

Девоптица

Пусть тебя не обманут наряд мой и шлейф волос:
Сердце твёрже, чем камень, и правда – в алмазных гранях.
Сто смертей позади и сто взлётных седых полос...
Милосердие – в граммах, и только для тех, кто ранен.

Мало проку владеть серебристым моим пером:
Прихожу, исполняю желанье и вновь свободна.
У меня от рожденья бессрочный контракт с добром –
То, что вечно, прекрасней того, что сегодня модно.

И в стотысячный раз всё по-прежнему будет так –
Мои честные крылья бесчестию не послужат.
Выбирай тех несчастных, которым цена – пятак,
Кто позволит развлечься и даст себя съесть на ужин.

Чтоб меня приманить, ты опять разложил костёр,
Твои люди с сетями соврут и не покраснеют,
Мне дано избежать незавидной судьбы сестёр,
Ведь и смех мой жемчужней, и небо моё синее.

Пересвет

Он приходит в болезни и горе, в последний день,
И роняет из уст тёплый жемчуг и самоцвет,
Смутно памятный всем, как отец Александр Мень
Или наш нестареющий юноша – Пересвет.

У него нет вопросов, упрёков и «как же так»,
И сокрытые правды столь ясно ему видны,
Что теряются смыслы всех выпадов и атак,
Испаряется зависть к ничтожным делам земным...

Он приходит и просит: «Давай же, открой глаза,
Сделай шаг свой на воду, на облако, в синеву,
Аметист и сапфир мой, кристальная бирюза!»
Улыбаюсь, шагаю, взлетаю – и так живу.

Всем моим братьям

Мы выплывем, брат мой? Ответом – и «нет», и «да»:
Надежда коварна: расслабит, собьёт с пути.
Земля по обратную сторону «никогда»,
Тебя не достичь, но как можем мы не грести?

Мой брат, рассекающий вечности океан,
Чтоб дать мне дорогу и вновь отвести волну,
Тебя донесу я до берега дальних стран,
Когда ты устанешь и тихо пойдёшь ко дну...

Кричат альбатросы, и в тёмных воронках – смерть:
Там шерятся скалы, вздымаются буруны...
Безмолвны небесный простор и земная твердь,
Но мы спасены, разумеется – спасены.

Мужские реплики

I

«Я тебя выставлял, как картину в багетной раме,
Но держал, как соломинку, счастье своё и зная.
Я шептал: “Дорогая, родная моя цунами,
Приходи разбиваться о мой причал!”»

II

«Без тебя у меня распадается свет на кванты,
Постулаты не вечны, горят и трещат константы,
Небо, павшее наземь, ушиблось – зовёт Атланта...
Я беседовал с Богом, но Он молчал».

III

«Ты добра... Не возлюбленный твой, но ближний,
Я вернусь, прилечу, я приеду в твой нежный Нижний
И опять забегу за твоими стихами в книжный:
Суждена книге полка, а тьме – свеча!»

IV

«Ты права – из спектакля не вышло толка,
Я согласен Окой быть, когда ты Волга,
Я не праздновал жизни преступно долго,
Полной грудью вдыхая и хохоча...»

V

«Это вовсе не я, кто покинет планету Горький,
Будет “Ретро-FM” петь о бабнике нашем Борьке,
Проводница в берете под цвет пионерской зорьки
Даст сигнал уезжать – за началами всех начал!»

Имя мне

Позовут – и умчишься, неся свой ранец,
Набирая в грудь воздуха перед бранью...
Не держу. Обещаю полёт и танец,
Потому-то и имя мне – Состраданье.

Не боюсь я дороги, ведущей криво,
Не страшусь золотой седины осенней...

Закрываю глаза и лечу с обрыва,
Потому-то и имя мне – Воскресенье.

Дан отсчёт всем финалам и всем началам,
Таймер скрыт в не дошедшем последнем байте.
Это лучше всей музыки, что звучала –
Вот поэтому имя мне не давайте.

Предвечному и земному

Ты всё знаешь: какую себя скрываю,
Сколько в связках поющих моих ключей,
Где права я и где не вполне права я,
Где шумят водопады, а где – ручей.

Если Тот, на которого уповаю,
Снова выберет в казнь мне седую сталь,
Защитишь ли меня, голос свой срывая,
Говоря, что я твой дорогой хрусталь?

И в какую бы ночь ни ушли трамваи,
Ты же сменишь маршруты их на «рассвет»?
Если станет пунктиром моя кривая,
Ты заполнишь все пропуски твёрдым «нет»?

Будет домик у моря на длинных сваях,
Будут крупные хлопья ночной пурги...
Я – живая, любимый. Твоя. Живая.
Если можешь, пожалуйста, сбереги.

Фарватер

Это не для меня – быть унылым блюзом,
Мне гораздо милей оставаться смехом:
Я – из рек, что весною ломают шлюзы,
Я – из гор, что всегда порождают эхо
(Не коварных, зовущих скорей сорваться,
А из тех, что дают пропуска в закаты).
Я – связной, поставщик межпланетных раций,
Я – паромщик, возящий людей без платы.
Я не стану пустыней с колючей пылью,
Ни болотом, ни омутом и ни мелью.
Я – фарватер, семь футов твоих под килем.
Я – твоя, чтоб всегда оставаться Целью.

Берегиня

У меня не полки – лишь коренья, листва и травы,
У меня не вино – чистых горных ключей вода...
Если я и царица, то этой глухой державы –
Так какого же лешего вам приходиться сюда?

Впрочем, знаю ответ: вам мерещится запах мёда
И молочные реки – кисельные берега...
Мой узорчатый меч-кладенец никому не продан,
Он – для лучших из лучших. Я – правильна и строга.

Понимаю, что можно меня победить обманом,
Но украденный меч не послушен и не остёр,
И не бьёт он врага, а наносит владельцу раны:
В его стали булатной – волна колдовских озёр.

Просто будьте честны – я отдам вам его без слова,
Просто будьте правдивы – до самых границ души...
Небеса распахнутся для песни святой и новой,
И убитый услышит: «Воскресни. Живи. Дыши».

Каллиопа

Он сидит за газетой и хмурит высокий лоб,
Но охотнее слушал бы песнь парашютных строп,
Никому не судья, не хозяин и не холоп –
Лютый зверь непротоптанных диких троп
Убеждает себя: «Я – серьёзен. С собой – владею!»

Она бьётся, как лава о стык литосферных плит –
Пламя плещется в ней и вода перед ней горит,
В ней поют и цветут острова её – Кипр и Крит,
Отпечатки балов на колене нежнейшей из Маргарит
Поцелуями мёртвыми грешными холодеют.

Он давно доказал, что не властна над ним судьба –
Он отнюдь не из тех, кто способен ходить в рабах,
Но он помнит, насколько сильна она и слаба,
Её имя грустит, словно соль, на его губах,
Потому что он видит не женщину, а Идею.